

В нашем мире порой бывает так, что человек некогда имевший и семью, и работу, и даже некоторые заслуги, после смерти забывается, пропадает из числа тех, память о ком хранят, ходят на могилу, хранят документы и памятные вещи в архиве. Он как-бы теряется в безвременном пространстве между прошлым и будущим. О нём никто не вспоминает, а следующие поколения просто ничего не знают. Ни остаётся ни фотографий, ни писем, ни одной тоненькой ниточки, за которую мог бы зацепиться его потомок. Как в воду глубокого и тёмного колодца упала жизнь забытого человека и потихоньку опускается всё ниже, всё ближе ко дну полного забвения. Печальная участь. Мало кому из забытых удавалось всё-таки вынырнуть оттуда на поверхность благодаря пытливым потомкам, случаю или научным поискам.

Если говорить о нашей стране или о всём бывшем Советским Союзе, то была революция и время ГУЛАГа, когда пропадали миллионами люди и даже целые семьи. Были войны с погибшими, интернированными или просто потерянными при эвакуации. Были ужасные страницы истории с газовыми камерами, Бабьими Ярами и Холокостом. Казалось, почти полмира уже потеряны и забыты и нет надежды отыскать, восстановить память о их жизни. Но, к счастью, есть люди, которые с этим не согласны и я один из них.

В семье моей бабушки был культ памяти её мужа, а моего дедушки Леонида, арестованного в 1937 году и расстрелянного в 1938. О нём мне много рассказывали и мой отец, и его сестра тётя Люся, а так же, бабушка Оля, вдова расстрелянного деда. О его жизни и творчестве в домашнем архиве сохранено много материалов Я тоже проникся его разнообразными талантами и его судьбой, знал наизусть много его стихов, смотрел рисунки, читал письма.

О его отце, моём прадеде Петре Игнатьевиче никогда ничего не говорилось, его имя просто не упоминалось, я бы даже сказал, игнорировалось. Скорее всего, причиной такого к нему отношения было то, что в 1907 году, семья моих прадеда Петра и прабабушки Софьи Межеричеров, распалась, по причине, как она утверждала, жестокости мужа. Моя прабабушка уехала с сыном в другой город, где жил преуспевающий её брат и с бывшим мужем более не общалась. Не сохранилось ни одной фотографии его самого или с кем-либо из семьи, хотя фотографий самой Софьи Абрамовны было много и любого возраста.

Став постарше я стал расспрашивать о нём более настойчиво и получал ответ, что он был то ли директором, то ли хозяином типографии в Ленинграде, что написал какую-то книгу по черчению, но и она не сохранилась. Всегда при этом упоминалось, что он был властный, жестокий человек и муж и что именно по этой причине Софья Абрамовна бежала от него с ребёнком на руках в другой город. И на этом всё, рассказ обрывался... Моя няня Елизавета Александровна Духова, помогавшая меня маленького растить, в молодые годы была служанкой у прадеда Петра с 1929 года до самой его смерти. Но она, по причине малограмотности, не знала или не очень понимала чем он занимался. И это не добавляло сведений в мой багаж знаний. Она рассказывала только то, что он был очень высокого роста, у него был низкий густой голос и как хозяин Пётр Игнатьевич был требовательным, даже строгим.

Я обратил внимание на то, что все эти родные и дорогие мне люди говорили о нём без всякого интереса, равнодушно, как о совершенно чужом человеке, даже скорее о чужой и никому ненужной вещи. А ведь они все были его потомками. И у меня перед глазами опять возникал тот тёмный колодец забвения и в мёртвой тишине душа моего прадеда, медленно опускающаяся ко дну, покрытому илом отсутствия прошлого и будущего. Дно всё ближе, его неровности и следы утонувших безвозвратно в иле

судеб, похожие на шрамы или глубокие морщины, видны всё чётче. Это удел многих и многих душ, но не моего прадеда. Я вижу в этом какую-то мистику, то, что нельзя понять, но можно почувствовать. Его история незримо жила во мне с самого рождения, вызывая в душе непонятную тревогу или ожидание чего-то, что я ещё не мог понять. По мере моего взросления она становилась всё более выпуклой, требующей внимания, поиска и осознания, чтобы не погибнуть, всплыть на поверхность, быть найденной и описанной. Вот и не верь теперь в реинкарнацию!

Я в детстве болел астмой, сопровождавшейся сильными приступами удушья и страха, особенно по ночам. Мои родители, когда не могли справиться сами с помощью лекарств, вызывали скорую помощь или бегом среди ночи несли меня на руках в ближайшую больницу. Память об этом живёт во мне до сих пор. Удушье сопровождалось галлюцинациями, многие из которых я тоже помню как цветные фрагменты чьей-то жизни. Долгое время мне было не понятно чьей, но с годами я стал догадываться, чья история рвалась наружу из моего детского горла со слезами и хрипом. Видимо другие пути для неё были тогда ещё закрыты.

Я помню такое: я маленький, сижу на полу и играю. Это какой-то маленький уютный закуток, где ощущается полумрак и уют. Вокруг тихо. Вдалеке кто-то ходит, может соседи сверху. Пахнет вкусно но не едой. У меня в руках что-то, во что я играю, но не помню что. Мой взгляд падает на небольшой заводной будильник с облупившейся краской. Он стоит у самой стенки. Я наклоняюсь и беру его, при этом вижу, что я в коротких стареньких штанишках с бретельками и коричневых чулках. Один чулок отстегнулся и сидит гармошкой внизу на ноге. Вижу какая нога белая. Один тапок на ноге, а другой далеко под окном. Я беру будильник и завожу его, затем ставлю обратно к стенке. Играя слышу как он монотонно тикает. И вдруг начинаю чувствовать тревогу. Это чувство нарастает, будильник, сначала еле слышный, тикает всё громче и громче. Ещё громче! Звук уже мешает мне играть и я опускаю руки, весь превратившись в слух. Звук этих часов как удары, раздирает воздух над моей головой, я плачу от страха и начинаю задыхаться. Я уже ничего не вижу за слезами из глаз и не слышу за своим плачем. Вдруг сквозь пелену слёз вижу фонари ночного широкого проспекта и чувствую, что кто-то быстро идёт, неся меня на руках и тяжело дыша. Опять удушье, страх и забвение. Тяжелое чувство усталости и дневного света сквозь закрытые веки. С трудом открываю их, надо мной встревоженное лицо мамы. В горле пересохло, хрипло прошу воды. Лицо мамы успокаивает. Чувствую влагу на моих губах. Это успокаивает ещё сильнее. Глаза сами закрываются. Я засыпаю.

Что это было? Астматический приступ? Да, пожалуй. Но это видение, которое я видел, ощущалось как кусочек жизни меня маленького. Или как-то и меня и не меня? Вроде бы это я, но с отражением чьей-то жизни в моём детском сознании А чей? Кто ответит?

В далёкие времена, почти сто пятьдесят лет назад в городе Бердичеве Житомирской губернии жила еврейская семья, отец Ицко с женой Хаей и их детьми. Дочка, родившаяся несколько лет назад была слабенькой, пуповина обернулась дважды в утробе вокруг горлышка. Не прожила доченька и недели как пришлось её везти туда, где души наших праотцов встречают и утешают тех, кто покидает этот мир ради мира лучшего. Поэтому следующего ребёнка, а Господь любит и благословляет многодетные семьи, поехали рожать в Житомир, в центральную больницу. Мальчик родился худеньким, но длинным и очень крикливым с черными пытливыми глазками как у его отца Ицко. Рабби при обрезании нарёк его древнем именем Перец, взятого из Святого Писания. В семье малыша любили за смышлёность и весёлый смех и звали

любовно Перчиком. Мать с отцом души не чаяли в малыше и всё ему позволяли, даже то, что не позволяли старшим. Перчик рос папиным любимцем, да и сам не отходил от отца, куда он, туда и малыш бежит на ещё неокрепших ножках. Порой он не поспевал за энергичным шагом отца, падал и громко ревел, зови его. Ну что с ним поделать? Отец останавливался, возвращался и поднимал его с земли. Так он и бегал целый день папиным хвостиком.

Его отец Ицко был мужиком необразованным, но смышленным, в руках у него всё спорилось, хозяином он был и в молодости хорошим. Его к себе в мастерскую взял сам старый Авраам Мень, чинивший в Бердичев жителям в своей мастерской все замысловатые механизмы: часы, граммофоны, очки и даже музыкальные шкатулки. Там и случилась у него любовь с молодой дочкой хозяина по имени Хая. Сначала отец ничего не подозревал. Но ситуация зашла так далеко, что требовалось жениться да поскорее. Мень долго ходил хмурый как туча, не благословлял молодых, хоть следы их любви были уже заметны соседям и посетителям его мастерской, Видя его в синагоге, люди начали перешёптываться. Не хотелось мещанину выдавать свою единственную дочь за крестьянина, хоть и работающего. Но Хая всё время и обнимала и уговаривала отца, а Ицко, виновник ситуации, старался угодить ему во всём. Да и на самом деле он был хорошим помощником хозяину, глаза которого стали уже видеть хуже от постоянной работы с мелкими деталями. И, наконец, Авраам сдался, молодые поженились и через четыре месяца родили своего первенца.

Раньше Авраам Мень жил вдвоём со своей дочкой и это была их семья. Мать Хаи умерла при родах, а её отец так любил свою жену, что не мог пережить её смерть и никак не хотел жениться вторично, хоть реббе и уговаривал его и даже угрожал кáрой божьей. Теперь, когда в доме появился молодой зять, а дочь была счастлива в своих домашних хлопотах, стали рождаться внуки один за одним. Старый Мень вдруг ощутил свой возраст и то, что много лет работал не разгибая спину в своей мастерской. Он вдруг почувствовал, что теперь это он член их семьи, а хозяин в доме Ицко. На их одноэтажном, но добротном доме, стоявшем в центре местечка недалеко от рынка появилась новая вывеска: "Мастерская оптических приборов и точных механических инструментов".

Перчик, как только научился ходить, был рядом с отцом везде, и дома и на работе и закатывал скандалы с визгом, если его не пускали в мастерскую, где он любил играть с шестерёнками и другими ненужными или сломанными деталями. Он сидел под прилавком в проходе между тумбочками и играл тихо, видя ноги и обувь заказчиков и ничем себя не выдавая. Он порою видел и ноги попрошаек в рваной обуви, которые тоже часто заходили, но отец их не особенно жаловал и чаще всего прогонял.

Однажды, дверь распахнулась необычно сильно, колокольчик на ней как-то жалобно зазвенел и Перчик почувствовал недоброе. Он только что завел и поставил будильник у стенки своего детского царства. Вошедшие зло кричали на отца, один даже стучал кулаком по прилавку. Папа хрипло отвечал им с мольбой в голосе. Вдруг послышались удары, отец вскрикнул. Они вытащили его прямо через прилавок и потащили на улицу, где стояли и смеялись недобро ещё люди, видимо тоже злые. Только когда все ушли, Перчик начал горько и безутешно плакать, забившись в дальний угол. Он просто захлёбывался слезами, со страхом глядя на будильник у стенки, который ещё недавно сам завёл и стрелки которого, не смотря на случившееся всё шли и шли."

А вот еще фрагмент: я во дворе нашего дома. Вокруг лужи и ходят бездомные, но мирные собаки. Я их немного побаиваюсь. Подо мной трёхколёсный велосипед, еду, с трудом объезжая лужи. Взрослые смотрят на меня и качают головами от удивления. Вдруг велосипед начинает расти, он становится всё больше, земля двора всё круче, тяжело крутить педали, до которых я теперь еле достаю. Откуда-то появился петух и бежал за мной. Петух тоже вырос вместе с велосипедом, он бежит сзади, стараясь клюнуть. Мне страшно! Велосипед стал уже таким огромным, что нависает надо мной, закрывая меня своей тенью. Я в панике кручу педали из последних сил, плачу, ничего за слезами не вижу, только чувствую как петух хватает меня когтистой лапой и кидает туда, где нет воздуха и нельзя ни плакать, ни дышать. Темнота, сквозь неё со временем просачивается уже знакомый, немного резкий, но успокаивающий запах больницы. Лицо мамы. Спать...

Перчик подрастал и уже не сидел в мастерской у отца под прилавком, играя. После того случая, который родные называли между собой пугающим словом "погром", а он боялся вспоминать, он охотнее играл на крыльце, особенно если была хорошая погода. Ицко его звал, если было нужно, и малыш охотно бежал внутрь по его зову, но оставаться там долго для игр не хотел. Перчик обычно сидел на крыльце их деревянного одноэтажного дома с большой вывеской сверху и катал по скамейке машинку. В дом изредка входят и выходят люди. Некоторые гладят его по голове, изредка кто-нибудь даёт конфету и Перчик прячет её в карман "на потём". Карман у него один и тот с дыркой из которой каждый раз вылезает его тонкий пальчик как червячок или палочка. Он этому улыбается.

В тот день пришел точильщик и встал со своим ножным точилом на той стороне улицы. Оттуда были слышны его слова нараспев и звук крутящегося точильного станка. Перчика привлекают искры из-под ножа, летящие как фейерверк, он сбегает с крыльца и бежит к ним, чтобы быть поближе. Слышен громкий конский топот, ржание, взвизгнувшие надо ним два коня в упряжке и красное от натуги лицо кучера. Воздух и свет кончились неожиданно, чувствуется только как он до боли сжимает в руке машинку. На крыльцо выскакивает Ицко, у него трясутся губы. Перчик без сознания, ещё не понятно, задела его повозка или нет, но машинка попрежнему крепко зажата у него в руке.

Я чувствую сплетение этих событий через многие десятки лет и многие вёрсты расстояний. Они тянутся друг к другу как ветви виноградной лозы на украинской беседке, чтобы укрыть нас от палящих лучей солнца. Они сплетаются в одно целое, уже не понятно, где начало, где конец, где вымысел или видение, а где реальное события. Где тот пункт времени, то место, где прошлое слилось с настоящим и та, всеми забытая судьба, почти потерянная на дне колодца забвения, вплетается живой лозой в мою сегодняшнюю жизнь.